

УДК 94(47)“1922/39”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/50/5

СЛАВЯНСКИЙ МИР И КЛАССОВЫЕ БАТАЛИИ: СЦЕНАРИИ ГРЯДУЩЕЙ ВОЙНЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В СОВЕТСКОЙ ВОЕННО-УТОПИЧЕСКОЙ МЫСЛИ 1920–1930-х гг.*

К.Д. Бугров

Уральский федеральный университет

Россия, 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН

Россия, 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Авторское резюме

В статье анализируются образы Восточной Европы в описаниях грядущей войны, опубликованных в советской военно-утопической (художественной и публицистической) литературе 1920–1930-х гг. Показано, что Восточная Европа воспринималась советскими авторами как источник угрозы для СССР, в первую очередь Польша и Румыния. Вместе с тем их воспринимали как марионеток империалистических держав Запада. Сценарии грядущей войны в Восточной Европе были связаны с агрессией против СССР с территории Польши либо Румынии и последующей революцией на Западе. Исходом войны советские публицисты видели образование новых пролетарских государств в Восточной Европе, а не расширение границ СССР, несмотря на то, что белорусский и украинский вопросы в Польше и бессарабский вопрос в Румынии были магистральными темами для публицистической и художественной литературы о восточноевропейских странах.

Ключевые слова: революция, большевизм, Коминтерн, мировая война, Румыния, Польша, Бессарабия.

* Результаты были получены в рамках гранта РФФИ (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

SLAVIC WORLD AND CLASS BATTLES: SCENARIOS OF FUTURE WAR IN EASTERN EUROPE IN SOVIET MILITARY AND UTOPIAN THOUGHT OF THE 1920s–1930s*

K.D. Bugrov

Ural Federal University

51 Lenin Avenue, Ekaterinburg, 620000, Russia

Institute of History and Archaeology of Ural Branch of RAS

16 Sofia Kovalevskaya Street, Ekaterinburg, 620990, Russia

E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Abstract

The article analyses the images of Eastern Europe in descriptions of the future war in Soviet military-utopian literature (both fiction and publicist) of the 1920s and 1930s. The author shows that Eastern Europe was seen by Soviet writers as a threat for the USSR, with Poland and Romania as chief enemies. However, most of the Soviet writers refused to recognise Eastern European countries as independent actors, as they were considered economically undeveloped. Such perception was strengthened by the Comintern polemics of the early 1930s about the possibility of revolution in Eastern Europe. Thus, Eastern European countries were depicted as puppets of well-developed, economically powerful Western nations: England and France in the 1920s and Hitler's Germany after 1933. It is important to note that almost all scenarios of war implied aggression against the USSR from the territory of Poland or Romania usually followed by the revolution in Western Europe. A scenario of Slavonic consolidation under the aegis of Russia, traditional for pre-revolutionary Russian literature, was not employed at all. Neither was the concept of restoration of the former Imperial borders. The Soviet writers envisaged the formation of new socialist states as the result of the future war rather than expanding of the USSR borders, even though there were certain conditions for the expansion scenario. This scenario could stem from the issues of Belorussians and Ukrainians in Poland as well as those of Bessarabia in Romania, since they were mainstream in the Soviet literature of the 1920s – 1930s. It can be concluded that the expansion of Soviet borders in 1939–1940 was an ideological improvisation, since the appropriate scenario was almost not discussed in Soviet ideological literature.

* The results were obtained under Grant of the Russian Science Foundation (Project Nr. 16-18-10106 "Early Soviet Society as a Social Project: Ideas, Implementation Mechanisms, Results of Constructing").

Keywords: revolution, Bolshevism, Communist International, world war, Romania, Poland, Bessarabia.

Тема славянского единства для российской утопической литературы и политической публицистики XIX – начала XX в. была одной из магистральных (Бугров Д. 2009: 153–156; Геллер, Нике 2003). Революционная катастрофа октября 1917 г. означала – кроме прочего – и смену парадигмы в данном отношении. Мечта о всеславянском единстве, игравшая столь важную роль в политической и военно-утопической литературе дореволюционной России, уступила место чаяниям мировой революции (Кулешова 2002; Гуларян 2013).

Однако хотелось бы задаться вопросом: какую роль в интеллектуальных построениях советских авторов, рассуждавших о грядущем мироустройстве, занимал славянский мир, мир Восточной Европы, бывший до 1917 г. столь важной частью геополитического (если можно употребить такое слово) мышления отечественной интеллигенции? Проявляла ли себя культурная и политическая связь между Россией и другими славянскими странами?

Ситуация после 1917 г. для отечественных авторов, желавших попробовать себя в военно-утопическом жанре прогноза, оказалась необычной. Литературный канон описания «грядущей войны» складывался в условиях, когда Россия была империей, активно участвовавшей в глобальной политике блоков и передела сфер влияния вместе с ограниченным количеством таких же массивных, многонациональных держав. Теперь же Советской России предстояло иметь дело с миром эпохи национального самоопределения: исчезла Австрийская империя, долгое время считавшаяся антагонистом славянского мира; но одновременно возникли и лимитрофы, бывшие части Российской империи, настроенные по отношению к СССР достаточно враждебно. А с другой стороны, советская публицистика о войне следовала, как представляется, общему тренду: решительному противопоставлению старой «имперской» политики новому курсу на открытую и честную дипломатию, ориентированную на неизбежную мировую революцию.

Эпицентром советской постреволюционной военно-утопической мысли оставалась именно мировая революция. Сюжет о великом последнем выступлении всех угнетенных мира, обладавший своей утопической логикой, имел для Советской России вполне прагматическую окраску: «первое в мире государство рабочих и крестьян», будучи в тисках изоляции, считало грядущую революцию избавлением от угрозы интервенции (Бугров К. 2017: 269–282). Теоретическая мысль большевистских вождей и лидеров Коминтерна выделяла два важнейших очага, способных подтолкнуть мировую революцию:

Германию (где революция едва не произошла в 1923 г.) и восточные страны, Китай и Индию.

И уже в 1922 г. свои силы попробовал в военно-утопическом жанре один из влиятельнейших идеологов большевизма – Е.А. Преображенский, совсем недавно (в 1919 г.) издавший вместе с Н.И. Бухариным «Азбуку коммунизма». Описание грядущего военного столкновения между социалистической Россией и капиталистическим миром Преображенский дал в работе 1922 г. «От нэпа к социализму», представлявшей собой курс лекций, будто бы прочитанных в будущем 1970 г. «профессором русской истории и в то же время слесарем железнодорожных мастерских Минаевым» – в социалистическом грядущем противоположность между физическим и умственным трудом, конечно же, была изжита. Заключительная часть этого курса, озаглавленная «Крах капитализма в Европе», содержала детальный военно-политический прогноз.

По мнению Преображенского, Европа в недалеком будущем окажется охваченной революционной волной. Застрельщиками европейской революции выступят Германия, Австрия и... Болгария! Пытаясь остановить революционную волну, Франция и Польша с двух сторон атакуют Германию, одновременно на советскую Болгарию нападает Румыния. Объединенным силам капиталистов из-за океана оказывают поддержку США, а на помощь силам революции приходит Советская Россия. Несмотря на усилия капиталистов, революция оказывается победоносной: восстания рабочих и крестьян в Польше и Франции (особенно удачные, подчеркивает Преображенский, в «Белоруссии, Вольни и Западной Галиции») ослабили военную мощь этих государств, а Красная армия наносит могучий удар: «Конница Буденного прокатилась лавиной по степям Румынии и, разбив оккупационную румынскую армию на севере Болгарии, установила связь Советской Болгарии с Советской Россией в то время, как правое крыло юго-восточной армии через Восточную Галицию проникло в Венгрию и помогло победить восставшему венгерскому пролетариату, провозгласившему вторую венгерскую Советскую Республику» (Преображенский 1922: 163). Удачи операций Красной армии в воображаемой войне Преображенского неслучайны, они определяются тем социальным ландшафтом, на котором разворачиваются боевые действия, – успех сопутствует СССР на территориях Западной Белоруссии, Украины, Бессарабии, испытывающих национальный гнет.

Одержанные Красной армией победы имеют решающее значение: вспыхивает пролетарская революция в Италии, разваливается на части под давлением внутренних противоречий враждебная революционерам Югославия... Цитаделью сопротивления в Восточной

Европе остается Польша, уже сведенная к своим «этнографическим» границам, но подпитываемая изнутри «взрывом шовинизма». Наконец, и в Польше власть берет пролетариат, силы СССР и Красной Германии объединяются. Франция вынуждена заключить с советскими республиками Европы мир. По Рейну прошла новая граница между Западной (капиталистической) и Восточной (социалистической) Европой (Преображенский 1922: 165).

Как видим, у Преображенского славянские страны Восточной Европы играют важную роль в военно-утопическом сценарии. Болгария выступает застрельщицей революционного процесса, а Польша, напротив, главным его противником. Если роль Польши как главного врага революционных сил легко объяснима травматическим для большевиков опытом советско-польской войны, то в отношении Болгарии Преображенский оказался провидцем: уже осенью 1923 г. страну и впрямь потрясло мощное восстание.

Прогноз Преображенского был вполне серьезной попыткой изложить – правда, в игровой форме – социально-политический прогноз на будущее. Проблема будущей войны занимала большевистских лидеров. Так, один из виднейших большевистских лидеров, экс-руководитель Коминтерна Г.Е. Зиновьев в 1928 г. изложил свои взгляды на мировую политику на страницах трактата «Учение Маркса и Ленина о войне». Здесь он уделил изрядное внимание и положению в Восточной Европе, говоря преимущественно о Польше. Зиновьев обрисовывал и грядущий маршрут польской агрессии против СССР – толчком к такой войне должна была стать, по его мнению, попытка захвата Украины. Оценивая Польшу как безусловного противника СССР, Зиновьев подчеркивал, что еще большей угрозой для Союза будет сближение между Польшей и Германией: «Над этой задачей "работают" серьезнейшие силы враждебного нам мира» (Зиновьев 1931: 318). Перечисляя на последних страницах своего трактата важнейшие очаги напряженности в мире, Зиновьев включил в них и целый ряд тлеющих конфликтов в Восточной Европе. Тем не менее внимание Зиновьева в наибольшей степени привлекали великие державы: США, Великобритания, Япония, Франция и, конечно же, Германия.

Аналогичные идеи получают развитие в военно-авантюрных сочинениях советских авторов 1920-х гг., где картина конфликта служит фоном для развертывания приключенческой фабулы. Ярким примером подобного сплава военно-политической прогностики и авантюрно-детективной интриги стала книга под интригующим заглавием «Трест Д.Е. История гибели Европы» (1923) авторства И.Э. Эренбурга. Здесь поработительницей континента выступает фашистская Франция,

движимая, правда, интригами американского капитала. Страны Восточной Европы выступают трамплином для удара по стране Советов (Эренбург 1923: 94). Французское правительство развернуло в Польше и Румынии «центрифуги “Дивуар Эксельсиор”», и с помощью этого дальнобойного «чудо-оружия» стерло с лица земли западные города СССР. Впрочем, Польша с Румынией погибли следующими: когда на их территорию прорвались двинувшиеся в контратаку советские войска, французы опустошили Восточную Европу искусственной эпидемией «скоротечной проказы» (Эренбург 1923: 106–107).

Другая панорамная картина мировой войны была нарисована Вяч. Вс. Ивановым и В. Б. Шкловским в авантюрном романе «Иприт» (1925). В этом произведении мировая революция вспыхивает в Индии и Китае, затем перекидывается в Европу; застрельщиком европейской революции выступает... Польша! Советское радио сообщает об этом в следующих выражениях: «Варшава наполнена повстанцами. Бои на улицах Варшавы. Пилсудский разорван толпой. Совет министров погиб в своем дворце. Товарищи, в Польше коммунистическое восстание! Товарищи, власть в Варшаве взята пролетариатом!» (Иванов, Шкловский 2005: 129). Английские империалисты наносят ответные удары по Советскому Союзу и Индии, сбрасывая с аэропланов бомбы с ядовитым газом; сюжет о польской революции в «Иприте» так и остался единственной строчкой о Восточной Европе посреди созданной Ивановым и Шкловским фантазмагории войны, приключений и революций. Строчкой, впрочем, показательной: как видим, восточноевропейская тема становилась расхожим местом для сценариев грядущей войны – не только в геополитическом планировании, но и в массовой литературе. Интересно, что сюжет с польской революцией в «Иприте» является единственным известным нам сюжетом такого рода в советской военно-утопической литературе – редчайшее описание польской революции.

Повесть-буффонада Б. А. Лавренева «Крушение республики Итль» (1925) редко рассматривается как сочинение о грядущей войне. А между тем посвящено оно именно ей. Лавренев описывает вымышленную республику, возникшую после крушения империи Ассор. Республика Итль – аграрная, нищая страна, но она располагает богатыми нефтяными месторождениями, на которых трудится жестоко угнетаемый пролетариат; столица же республики, приморский город Порто-Бланко, населена богемой, «интеллектуальными люмпенами». Итль хочет прибрать к рукам могущественная морская держава Наутилия: дрожащие под угрозой вторжения «коммунаров» из Ассора трусливые правители Итля охотно склоняются перед иноземными солдатами. Однако рабочее восстание сметает разложившуюся

армию Итля, на помощь восставшим приходят крестьяне и горцы, а с севера уже спешат «железные дивизии» коммунаров (Лавренев 1928: 257–260).

Если в Ассоре легко узнать Россию-СССР (анаграмма!); если Наутилия – это, конечно, Великобритания, то у Итля нет единого прототипа: здесь смешаны черты приморских городов Одессы и Баку и типичной восточноевропейской страны. Ближе всего Итль, пожалуй, к Румынии; Ассор располагается к северу от республики, две страны разделены рекой. Об этом же говорят и имена жителей Итля: Антоний Баст, Богдан Адлер, Коста, Атанас, президент Аткин.

В повести видного писателя-коммуниста Б. Ясенского «Я жгу Париж» (1928) мировая битва между капитализмом и социализмом вспыхивает именно в Восточной Европе, и провоцируют ее экспансионистские замыслы польского правительства в отношении советской Украины: «На территории Польши, откуда ни возьмись, появился новый, наскоро сработанный гетман, задумавший поход на Украину с целью освободить ее из-под большевистского ига. В обильно раздаваемых интервью гетман возвещал возрождение самостийной Украины, соединенной с Польшей исторической унией. С молчаливого ведома польского правительства свежеиспеченный гетман вербовал на территории Польши освободительную украинскую армию. Польские газеты трубили сбор. Они громко напоминали об исторических, неустаревших границах и туманно намекали на возможную автономию Восточной Галиции» (Ясенский 1957: 44). Франция отправляет в Польшу оружие и боеприпасы. Однако военная авантюра обернулась против самих капиталистов: в Париже вновь разыгрываются события коммуны, всеобщая забастовка выливается в вооруженное восстание. Но – как и в «Иприте» Иванова и Шкловского – повествование Ясенского затем переходит к описанию классовых баталий в столице Франции. Конфликту же в Восточной Европе особого внимания Ясенский не уделяет.

Итак, в 1920-е гг. в советской политической прогностике Восточной Европе не отводилось крупной, самостоятельной роли. И если Преображенский, размышляя в 1922 г. о путях мировой революции, все же ставил Болгарию рядом с Германией и Австрией в качестве форпоста социализма, то уже спустя шесть лет, в 1928 г., Зиновьев оценивал восточноевропейскую политику преимущественно как клубок противоречий между второстепенными державами, подстрекаемыми к агрессии против СССР могущественными капиталистическими государствами Запада. Восточная Европа представляла шахматной доской великих держав.

Впрочем, все эти авторы – будь то серьезные аналитики-марксисты или авторы авантюрно-детективных, едва ли не пародийных романов –

сходились в одном: в грядущей неизбежной войне противником СССР выступят именно восточноевропейские страны. О Польше постоянно заходила речь в контексте внешней угрозы границам СССР, и ей стабильно уделяли внимание. Нарком обороны К.Е. Ворошилов в 1927 г., говоря о подготовке капиталистических стран к конфликту с СССР, упоминал не только великие державы, но и Польшу с Румынией (Ворошилов 1927: 9). А в политическом отчете И.В. Сталина XVI съезду ВКП(б) в 1930 г. в таблицу развития тяжелой промышленности, характеризовавшую сравнительную экономическую мощь стран, были включены данные по СССР, США, Франции, Великобритании, Германии и... Польше (Сталин 1949b: 239).

Разрабатывая в 1928 г. на страницах труда «Будущая война» вопросы стратегии и тактики, советские военные специалисты под руководством М.В. Тухачевского приходили к сходным выводам. Война начнется на польской либо румынской границе, причем за агрессорами будут стоять англо-французские империалисты. В затяжной перспективе Союз борьбы не выдержит, если только на помощь не придет мировая революция (Самуэльсон 2001: 34–37). Вопрос о революции оказывался неотделим от вопроса о войне. А потому и страны Восточной Европы интересовали советских авторов мало: куда более важным представлялось внутреннее положение развитых капиталистических стран.

На рубеже 1920–1930-х гг. в оценках грядущей войны в советской публицистике происходит своеобразный перелом. Хотя саму мировую революцию советские теоретики – и лично Сталин! – продолжали считать реальной перспективой (коминтерновская теория «третьего периода»), все чаще и чаще речь заходила о том, что гарантом безопасности СССР является прежде всего военно-техническая мощь Советского Союза, а восстание пролетариата в капиталистических странах станет пусть и важным, но все же вспомогательным фактором. «Военная тревога» 1927 г. оказала большое влияние на советское руководство, укрепив большевистскую элиту в мысли о близости войны (Симонов 1996).

В 1929 г. В.А. Колесинский (заместитель начальника сектора обороны Госплана СССР) в книге, посвященной расстановке сил перед надвигающейся бурей, декларировал: «Нет надобности говорить подробно об отношениях СССР с западными соседями. Эти последние не играют самостоятельной роли в международной политике и целиком находятся под влиянием главных империалистических государств Европы – Англии и Франции. Вопрос о войне против СССР будет, разумеется, решаться не в Варшаве и Бухаресте, а в Париже и в Лондоне, политика которых имеет в этом вопросе первостепенное

значение. <...> Как авангард капиталистического мира, наши соседи будут, конечно, серьезно влиять на исход предстоящего боя, но вопрос о начале похода против СССР будет решаться не авангардом, а главными силами империализма» (Колесинский 1929: 144).

А на XI пленуме Исполнительного комитета Коминтерна (1931 г.) видный французский коммунист М. Кашен облек советский взгляд на Восточную Европу в чеканную форму: «Всеми антисоветскими политическими комбинациями руководит Польша, главный вассал французского империализма. Финляндия находится под ферулой Польши. Румыния связана с Польшей военным договором. Польша располагает широко развитой военной промышленностью, которая работает с усиленной нагрузкой. Но выполнять крупные военные поставки для Польши и Румынии – это задача другого вассала французского империализма – Чехословакии» (Стенографический отчет 1931: 15).

«Врагом номер один» продолжала считаться Польша: после переворота Ю. Пилсудского в 1926 г. советские публицисты однозначно рассматривали ее как фашистскую страну. Представитель польской компартии Ю. Братковский (Е. Чешейко-Сохацкий) на XI пленуме Исполнительного комитета Коминтерна декларировал: «Фашистская Польша является форпостом империализма в борьбе против СССР. Она исполняет роль антисоветского плацдарма и организатора контрреволюционного блока буржуазных государств от Балтийского до Черного моря» (Стенографический отчет 1931: 40). В 1932 г. на страницах книги с характерным названием «В борьбе с фашизмом (Крестьяне Польши)» публицист З. Лисовский констатировал: «Курс на соглашение с Германией стимулируется и тем, что польская буржуазия, испуганная нарастающим революционным движением рабоче-крестьянских масс, видит в германском фашизме желательного союзника в борьбе с революцией. Одновременно польский империализм ищет союзника против СССР в лице японского империализма» (Лисовский 1932: 4). Остальным славянским странам военно-политические прогнозы уделяли куда меньше внимания, хотя выходившие по линии политической пропаганды и клеймившие фашистов и социал-демократов издания упорно подчеркивали опасность, которую «Малая Антанта» несет Советскому Союзу. Чехословакия, например, характеризовалась публицистом Б. Ковачем как арсенал интервенции (Социал-фашизм 1932: 79).

Любопытно отметить: на VI съезде Коминтерна, провозгласившем в 1928 г. наступление «третьего периода капиталистической реконструкции» и быстрое приближение момента мировой революции, некоторые польские делегаты старались выделить Польшу из череды других восточноевропейских стран, объединенных как «страны сред-

ней ступени капиталистического развития» и нуждающихся вначале в буржуазной, а потом уже в социалистической революции. Однако польские коммунисты Ю. Ринг и Бранд (Г. Лауэр), а также германский коммунист Ф. Денгель настаивали на том, что подобная характеристика верна для Румынии либо Югославии, но никак не для Польши (Стенографический отчет 1929: 47, 61). В то же время болгарский коммунист В. Коларов заявил о том, что из восточноевропейских стран лишь Болгария готова напрямую перейти к социалистической революции, тогда как Польша и Румыния к этому пока что не готовы. С болгарскими заявлениями солидаризировались и греческие коммунисты (Стенографический отчет 1929: 155). Зато И.В. Сталин на пленуме ЦК ВКП (б) подверг эти предположения критике (Сталин 1949а: 154–155).

Для коминтерновских теоретиков тема Восточной Европы представляла громадный интерес: от характеристики социальных отношений в этом регионе зависели судьбы грядущей войны. Готовы восточноевропейские страны к революции или нет? Этот вопрос занимал теоретиков Коминтерна, и в 1931 г. под эгидой Коммунистической академии вышла толстая книга С.С. Тимова (член компартии Румынии, активный участник движения в Бессарабии и один из создателей Молдавской АССР в составе советской Украины), посвященная детальному анализу экономики восточноевропейских государств. Тимов пытался показать, что восточноевропейские страны являются «наиболее слабым звеном» империалистической цепи и что экономическая слабость вкупе с национальным вопросом делают их положение шатким (Тимов 1931: 242–243). Главной угрозой СССР признавалась тут Румыния, экономическое положение которой будет, по мнению Тимова, толкать ее к захвату криворожской руды и донского угля (Тимов 1931: 68).

Перелом в военно-утопической литературе завершился с приходом к власти нацистов в Германии: основным врагом СССР теперь стала считаться Германия, а не Британия с Францией (Минц 2007: 78). Чем более устрашающим выглядел гитлеровский режим, тем больше военных прогнозов появлялось в советской публицистике. Это, казалось бы, открывало богатый арсенал средств выразительности, построенных на противопоставлении германизма и славянства, в совершенстве освоенный дореволюционной российской военно-утопической мыслью. Но и в 1930-е гг. тема славянского единства в противовес германской военной угрозе не пережила ренессанса.

При этом после 1933 г. отношения между СССР и странами Восточной Европы начали постепенно нормализовываться; с большинством этих стран Союз подписал пакты о ненападении, а ожидания миро-

вой революции уходили в прошлое по мере новой стабилизации глобального капитализма. Уже на XIV съезде ВКП(б) в 1934 г. Сталин констатировал улучшение отношений с Польшей: «На Польшу рассчитывали все и всякие империалисты, как на передовой отряд, в случае военного нападения на СССР. <...> И вот эти нежелательные отношения начинают постепенно исчезать. Они заменяются другими отношениями, которые нельзя назвать иначе, как отношениями сближения» (Сталин 1951: 300–301).

Однако в целом отношение к восточноевропейским странам в советской идеологии оставалось прежним. Декларированная Сталиным в 1934 г. опора СССР исключительно на собственные силы закрепляла видение международной политики в категориях политического реализма. Восточноевропейские страны (за вычетом, быть может, Польши) расценивались как неразвитые аграрные государства, из-за своей слабости оказывающиеся пешками в руках могущественных капиталистических держав. Соответствующим образом строились и военно-политические прогнозы.

Вот, к примеру, сочинение Э. Генри (под этим псевдонимом скрывался советский разведчик и коминтерновский активист С.Н. Ростовский) «Гитлер против СССР. Грядущая схватка между фашистскими и социалистическими армиями» (1937). По ходу повествования вся Восточная Европа у Генри оказывается сферой проникновения агентов «коричневого Интернационала», ареной фашистских путчей, движущихся волнами к советской границе. Этническая и культурная неоднородность стран Восточной Европы превращается в источник уязвимости, которым и пользуются фашистские организации, зависящие от Гитлера. Шаг за шагом фашисты подрывают «Малую Антанту» изнутри, образуя «фашистские региональные лиги» (Генри 1937: 163).

Исторические экскурсы в глубь прошлого Восточной Европы помогают Генри нарисовать мрачную картину архаичного хаоса и насилия – картину, согласующуюся с представлением о Восточной Европе как о полудивилизованной пограничной территории контрастов, которое современный исследователь Л. Вульф выводит из западноевропейских сочинений XVIII в. (Вульф 2003: 37–51). Как видим, большевистские теоретики и пропагандисты охотно конструировали Восточную Европу «с другого берега». Ведь царство фашизма и «аграрной контрреволюции» выглядит особенно контрастно рядом с высокоразвитым, индустриализированным Советским Союзом, который Генри описывает в восторженных тонах.

Заканчивая свое описание Восточной Европы, Генри все же подходит близко к германо-славянскому противостоянию: ведь если «фашистская лига» сокрушит СССР, то завершающим деянием Гитлера

будет уничтожение Польши, которое автор описывает, используя злобный нацистский язык расовой ненависти: «Он вдребезги разобьет “поляков”, “польскую свинью”, этих “наследственных врагов германской расы”, которые беспрерывно в течение восьми столетий не переставали враждовать с ним, которые в 1410 г. покончили с первым тевтонским орденом и с тех пор вызывают отвращение в каждом истинном германце <...> Тогда действительно будет “Finis Poloniae”. Конец “полковникам”, конец Радзивиллам, конец всем этим жадным и жалким лилипутам, которые думают, что они могут объединиться с тигром, чтобы напасть на льва. Но лев жив, и когти его крепки как никогда» (Генри 1937: 183). Эта воинственная фраза показательна. Генри предсказывает нападению Гитлера на СССР крах, который обернется сокрушительным контрнаступлением Красной армии и волной революций по всей Европе. Хотя Генри коротко отмечает, что подходящим очагом для этого является угнетенное Прикарпатье (т. е. территории Западной Украины, угнетаемой Польшей, и Бессарабии, оккупированной Румынией), основной для него все же является грядущая революция в Германии, которая навсегда покончит с фашистскими «неонаполеонами» (Генри 1937: 336–337).

В пьесе В.М. Киршона «Большой день» (1936) упоминаются волнения в Чехословакии, но главная роль вновь отведена Германии (Гулярян 2013: 661). В рассказе Н.В. Томана «Мимикрин доктора Ильичева», опубликованном в 1939 г., описано нападение германской армии на СССР с польской территории и в союзе с Польшей (Танк смерти 2015: 191–193). Последняя, впрочем, в процессе войны сама оказывается (словно бы по Генри!) жертвой гитлеровского коварства. Наконец, в пользовавшейся большой популярностью повести Н.Н. Шпанова «Первый удар» (1939) Советский Союз атакуют «германо-поляки». Правда, Польша (как и Румыния с Латвией) оказывается «подневольным союзником» гитлеровской Германии, и советская авиация, нанося по гитлеровцам сокрушительный ответный удар, шадит польские города, бьет лишь по железнодорожным узлам Львова, Тарнополя, Ровно... Бомбовый удар красного воздушного флота вызвал цепную реакцию в самой Германии: в Нюрнберге вспыхивает восстание против фашистов. Один из героев книги, советский летчик Павел Гроза, сбит над польской территорией, и двое польских крестьян помогают ему спастись (Шпанов 1939: 121–122).

Советская политическая публицистика 1930-х гг. вполне могла развивать военно-утопический прогноз и в ином ключе, перерабатывая дореволюционные идеологические конвенции. Рост военной угрозы со стороны гитлеровской Германии отсылал к старой концепции борьбы германизма и славянства, одновременно открывая возможность

для описания Восточной Европы в категориях не только классового, но и национального угнетения. Однако в сценариях грядущей войны эти описания практически не находили отражения.

Разумеется, в СССР не было недостатка в художественных описаниях страданий национальных меньшинств на территориях, этнически либо исторически связанных с Россией (Сохацкий 1932; Шварц 1932). Вот, например, как описывали публицисты Коминтерна национальное угнетение в Польше: «Политика, проводимая польским правительством на окраинах, населенных не польским населением, носит характер хищническо-колониального грабежа и угнетения. <...> Если трудящиеся Польши под тяжким игом, наложенным на них буржуазией, влчат поистине горькое, полное всяческих лишений существование, то крестьяне не польских национальностей обречены существующим положением вещей на медленное, но несомненное вымирание» (Белый террор, 1924: 13). Упомянутый уже З. Лисовский также описывает аграрный кризис и крестьянские восстание, кратко останавливаясь на проблеме национального гнета. Вместе с тем Лисовский не акцентирует проблемы Западной Украины и Белоруссии, подчеркивая равномерность социальных язв польского капитализма, единого как для поляков, так и для национальных меньшинств (Лисовский 1932: 4).

Другой пропагандист, Е. Явленский, писал о Польше: «Польша – страна, до 40 проц. населения которой составляют национальные меньшинства: украинцы, белорусы, евреи и др. Империалистическая польская буржуазия установила в Западной Украине и Западной Белоруссии режим неслыханного национального гнета. "Инородец"-трудящийся – "внутренний враг", бесправный парий. Он предмет бешеной шовинистической травли» (Явленский, 1934: 6). Впрочем, «массовые стачечные бои польского пролетариата, революционная борьба крестьян, нарастание национально-освободительного движения, лихорадочная подготовка польским фашизмом войны показывают, что в Польше создалась исключительно напряженная обстановка». При этом Явленский вовсе не отводил национальному фактору главной роли: сценарий грядущих битв для Польши – это «путь Октября», вооруженного восстания, к которому должна готовиться польская компартия (Явленский, 1934: 105–106). Итак, пролетарская революция во всей Польше, в первую очередь, в промышленных центрах, расположенных на великопольской территории, а не восстание на восточных окраинах – таким был советский политический прогноз.

Прогноз этот был подтвержден и в книге Б. Кузнецова о Польше, вышедшей в 1938 г. в серии «Помощь агитатору». Здесь упоминалось о подготовке фашистами войны против СССР: «Руководитель поль-

ской внешней политики полковник Бек выдвигает идею создания «нейтрального блока» от Балтийского до Черного моря (Прибалтийские страны – Польша – Румыния). Таким образом, он расчищает фашистским агрессорам путь к войне. <...> "Нейтральный блок" стран от Балтийского до Черного моря должен облегчить, по мысли его берлинских инициаторов, подрывную работу германского фашизма и стать военно-политическим и экономическим плацдармом для наступления на СССР» (Кузнецов 1938: 31).

Конечно, Кузнецов уделил внимание и национальному угнетению в Польше. Книга сообщала об угнетении белорусов и украинцев (их земли, согласно автору, польская буржуазия старается, подобно царизму, превратить в «колонии»), о преследованиях польских евреев. Кузнецов пришел к тому же выводу, что и другие авторы: «Трудящиеся массы национальных меньшинств видят свое единственное спасение в совместной с польским пролетариатом и крестьянством борьбе за свержение ненавистного ига фашистской диктатуры» (Кузнецов 1938: 23).

Несколько отличалась риторика советской публицистики в отношении Румынии, контролировавшей Бессарабию. В отличие от Западной Украины и Белоруссии, Бессарабию в СССР считали оккупированной территорией. Количество литературы об угнетении Бессарабии «румынскими боярами» едва ли не превышало количество аналогичной литературы о Польше (Колосов 1926; Дембо 1932; Татару 1932).

Однако и в литературе о Бессарабии хорошо видно то же стремление избежать упреков в империализме под маской коммунизма. В книге Л.Н. Александри, посвященной бессарабскому вопросу, этой проблеме был отведен специальный раздел: «Нам кажутся нелепыми доводы царских чиновников <...> в которых они пытаются сослаться на исторические права России на владение Бессарабией. Они построены на аргументации от истории, в которой не нуждается Советская Россия». В перепечатанной в приложении к книге Александри декларации советской делегации на Венской конференции от 2 апреля 1924 г. говорилось, что всякие доводы об «исторических правах» по бессарабскому вопросу СССР считает недействительными, настаивая на плебисците, и до того времени рассматривает Бессарабию как оккупированную территорию (Александри 1924: 101). А в исходе плебисцита Александри не сомневался: «Гарантией неприкосновенности права на самоопределение народов послужат три с лишним десятка равноправных, разноплеменных и разноязыких голосов Союза Советских Социалистических Республик. Такой гарантии ни одно государство в мире не даст бессарабскому трудовому населению» (Александри 1924: 74). В Большой советской энциклопедии

в обширной статье «Бессарабский вопрос», где повторяются основные идеи упомянутой выше декларации, сухо замечается: «Национальный гнет... является одним из источников, питающих энергию населения Бессарабии, без различия национальностей, в его борьбе против румынской оккупации» (БСЭ 1927: 34). Но о воссоединении с СССР речь не шла, хотя и отмечалось, что Молдавская АССР в составе советской Украины должна служить поработенной Бессарабии «образцом».

Итак, судьба Восточной Европы (и с ней – славянского мира) под пером советских публицистов довоенной поры следовала примерно одним и тем же паттернам. Основными противниками считались Польша и Румыния. Вместе с тем противник этот был в известной степени несамостоятельным: в 1920-х гг. им манипулировали Британия и Франция, а в 1930-х гг. этих империалистов сменила фашистская Германия. Другие восточноевропейские страны упоминались походя: исключением здесь остается почетная роль, которую отвел «советской Болгарии» Е.А. Преображенский в своем прогнозе 1924 г. На пролетарскую революцию в этих странах советские публицисты и теоретики не рассчитывали, а военную мощь их ценили не очень высоко.

И когда в 1939 г. грянула мировая война, сценарий ее оказался не таким, как рисовало большинство советских сочинений. Оно и понятно: советских авторов волновал в первую очередь тот сценарий, при котором первый удар агрессоров обрушивался на СССР. Поход Красной армии в Западную Белоруссию и на Украину хотя и не был описан в военно-утопических сочинениях, но хорошо соответствовал общему тренду – относительно бескровное быстрое продвижение советских войск, доброжелательное отношение населения, крах буржуазного правительства при первых же сполохах конфликта (правда, в данном случае причиной краха выступало не возмущение рабочих войной, а удар с запада). Однако сам сценарий, при котором итогом войны оказывается не мировая революция, а воссоединение разделенных народов в составе СССР, был для советской публицистики инновацией, и авторам, работавшим в политическом жанре, приходилось импровизировать.

ЛИТЕРАТУРА

Александри 1924 - *Александри Л.Н.* Бессарабия и бессарабский вопрос. М.: Гос. изд-во, 1924. 104 с.

Белый террор 1924 - Белый террор в Польше. М.: Изд. И.К. МОПР, 1924. 35 с.

БСЭ 1927 - Большая советская энциклопедия. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1927. 416 с.

Бугров Д. 2009 - *Бугров Д.В.* Балканский вопрос в русской социально-культурной утопии конца XVIII – начала XX в. // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, кн. 5, ч. 2. С. 153–156.

Бугров К. 2017 - *Бугров К.Д.* Работа Г.Е. Зиновьева «Учение Маркса и Ленина о войне» (1929) и дебаты о будущем советского социального проекта // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2017. С. 269–282.

Ворошилов 1927 - *Ворошилов К.Е.* Оборона СССР. М.: Военный вестник, 1927. 164 с.

Вульф 2003 - *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: НЛО, 2003. 548 с.

Геллер, Нике 2003 - *Геллер Л., Нике М.* Утопия в России. СПб.: Гиперион, 2003. 312 с.

Генри 1937 - *Генри Э.* Гитлер против СССР. Грядущая схватка между фашистскими и социалистическими армиями. М.: Соцэкгиз, 1937. 338 с.

Гуларян 2013 - *Гуларян А.Б.* «Грядущая война» как жанр литературы // Культура и искусство. 2013. № 6. С. 653–664. DOI: 10.7256/2222-1956.2013.6.11425

Дембо 1932 - *Дембо В.О.* Под гнетом румынских бояр. М.: Воениздат, 1932. 48 с.

Зиновьев 1931 - *Зиновьев Г.Е.* Учение Маркса и Ленина о войне. М.; Л.: Гос. социально-экон. изд-во, 1931. 355 с.

Иванов, Шкловский 2005 - *Иванов Вяч.Вс., Шкловский В.Б.* Иприт. СПб.: Ред Фиш; Амфора, 2005. 400 с.

Колесинский 1929 - *Колесинский В.* Угроза новых войн. Экономические, политические и военные предпосылки. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 162 с.

Колосов 1926 - *Колосов А.И.* Под лютым боярином (В Бессарабии). М.: Изд-во ЦК МОПР, 1926. 15 с.

Кузнецов 1938 - *Кузнецов Б.* Польша. М.: Молодая гвардия, 1938. 52 с.

Кулешова 2002 - *Кулешова Н.Ю.* «Большой день»: грядущая война в литературе 1930-х годов // Отечественная история. 2002. № 1. С. 181–191.

Лавренев 1928 - *Лавренев Б.А.* Крушение республики Итль. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 264 с.

Лисовский 1932 - *Лисовский Э.* В борьбе с фашизмом (Крестьяне в Польше). М.: Изд-во ЦК МОПР, 1932. 22 с.

Минц 2007 - *Минц М.М.* Будущая война в представлениях военно-политического руководства СССР в 1927–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2007. 283 с.

Преображенский 1922 - *Преображенский Е.А.* Крах капитализма в Европе // Красная новь. 1922. № 5. С. 151–165.

Самуэльсон 2001 - *Самуэльсон Л.* Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М.: АИРО-XX, 2001. 294 с.

Симонов 1996 - *Симонов Н.С.* «Крепить оборону страны Советов» («военная тревога» 1927 г. и ее последствия) // Отечественная история. 1996. № 3. С. 155–161.

Сохацкий 1932 - *Сохацкий Ю.* Польский фашизм – форпост интервенции. М.; Л.: Парт. изд-во, 1932. 110 с.

Социал-фашизм 1932 - Социал-фашизм – организатор интервенции. М.: Партиздат, 1932. 108 с.

Сталин 1949а - *Сталин И.В.* Сочинения. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит., 1949. Т. 11. 381 с.

Сталин 1949б - *Сталин И.В.* Сочинения. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1949. Т. 12. 397 с.

Сталин 1951 - *Сталин И.В.* Сочинения. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1951. Т. 13. 423 с.

Стенографический отчет 1929 - Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. М.: Гос. изд-во, 1929. Вып. 3. 192 с.

Стенографический отчет 1931 - Стенографический отчет. XI пленум ИККИ. Вып. II. 1. Военная опасность и задачи Коминтерна. 2. Заключительные работы пленума. М.; Л.: Гос. социально-экон. изд-во, 1931. 255 с.

Танк смерти 2015 - Танк смерти: Советская оборонная фантастика 1928–1940. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. 221 с.

Татару 1932 - *Татару А.* Бессарабия под пятой румынских окупантов. М.: Партиздат, 1932. 32 с.

Тимов 1931 - *Тимов С.С.* Экономика Восточной Европы. Аграризация или индустриализация? Т. I: Балканские страны. М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. 244 с.

Шварц 1932 - *Шварц И.Г.* Колония польского фашизма. М.: ЦК МОПР СССР, 1932. 32 с.

Шпанов 1939 - *Шпанов Н.Н.* Первый удар. Повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1939. 253 с.

Эренбург 1923 - *Эренбург И.* Трест Д.Е. (История гибели Европы). Харьков: Гос. изд-во Украины, 1923. 208 с.

Явленский 1934 - *Явленский Е.* Жизнь и борьба рабочих Польши. М.: Профиздат, 1934. 105 с.

Ясенский 1957 - *Ясенский Б.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957. Т. 1. 440 с.

REFERENCES

Aleksandri, L.N. (1924) *Bessarabiya i bessarabskiy vopros* [Bessarabia and Bessarabian question]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Borovskiy, A. (ed.) (1924) *Belyy terror v Pol'she* [White Terror in Poland]. Moscow: I.K. MOPR.

Shmidt, O.Yu. (ed.) (1927) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 6. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

Bugrov, D.V. (2009) *Balkanskiy vopros v russkoy sotsial'no-kul'turnoy utopii kontsa XVIII – nachala XX v.* [The Balkan question in Russian social and cultural utopia of the late 18th – early 20th centuries]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series.* 151 (5-2). pp. 153–156.

Bugrov, K.D. (2017) Soviet Social Project and the Military Threat in Grigory Zinoviev's Treatise 'The War Doctrine of Marx and Lenin' (1929). *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. 17. pp. 269–282.

Voroshilov, K.E. (1927) *Oborona SSSR* [Defense of the USSR]. Moscow: Voenny vestnik.

Wolff, L. (2003) *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Translated from English by I. Fedyukin. Moscow: NLO.

Heller, L. & Niqueux, M. (2003) *Utopiya v Rossii* [Utopia in Russia]. Translated from English by I. bulatovskiy. St. Petersburg: Giperion.

Henri, E. (1937) *Gitler protiv SSSR. Gryadushchaya skhvatka mezhdru fashistskimi i sotsialisticheskimi armiyami* [Hitler vs. the USSR. The coming battle between the fascist and socialist armies]. Moscow: Sotsekiz.

Gularyan, A.B. (2013) "Gryadushchaya voyna" kak zhanr literatury [Future war as a genre of literature]. *Kul'tura i iskusstvo.* 6. pp. 653–664. DOI: 10.7256/2222-1956.2013.6.11425

Dembo, V.O. (1932) *Pod gnetom rumynskikh boyar* [Under the yoke of Romanian boyars]. Moscow: Voengiz.

Zinoviev, G.E. (1931) *Uchenie Marksa i Lenina o voyne* [Marx' and Lenin's Doctrine of war]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.

Ivanov, Vyach.Vs. & Shklovskiy, V.B. (2005) *Iprit* [Mustard Gas]. St. Petersburg: Red Fish; Amfora, 2005. 400 s.

Kolesinskiy, V. (1929) *Ugroza novykh voyn. Ekonomicheskie, politicheskie i voennye predposylki* [Menace of new wars. Economic, political and military preconditions]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Kolosov, A.I. (1926) *Pod lyutym boyarinom (V Bessarabii)* [Under the evil boyar (In Bessarabia)]. Moscow: TsK MOPR.

Kuznetsov, B. (1938) *Pol'sha* [Poland]. Moscow: Molodaya gvardiya.

Kuleshova, N.Yu. (2002) "Bol'shoy den": gryadushchaya voyna v literature 1930-kh godov [The Big Day: future war in literature of the 1930s]. *Otechestvennaya istoriya.* 1. pp. 181–191.

Lavrenev, B.A. (1928) *Krushenie respubliki Itl'* [Collapse of the Itl Republic]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

- Lisovskiy, Z. (1932) *V bor'be s fashizmom (Krest'yane v Pol'she)* [Fighting fascism (Peasants in Poland)]. Moscow: TsK MOPR.
- Mints, M.M. (2007) *Budushchaya vojna v predstavleniyakh voenno-politicheskogo rukovodstva SSSR v 1927–1941 gg.* [Future war in perception of military and political leadership of the USSR in 1927–1941]. History Cand. Diss. Moscow.
- Preobrazhenskiy, E.A. (1922) *Krakh kapitalizma v Evrope* [Collapse of capitalism in Europe]. *Krasnaya nov'*. 5. pp. 151–165.
- Samuelson, L. (2001) *Krasnyy koloss. Stanovlenie voenno-promyshlennogo kompleksa SSSR. 1921–1941* [Red Colossus. The emergence of military-industrial complex of the USSR. 1921–1941]. Translated from English by I. Davidyan. Moscow: AIRO-XX.
- Simonov, N.S. (1996) “Krepit' oboronu strany Sovetov” (“voennaya trevoga” 1927 g. i ee posledstviya) [“Strengthen the Soviets defense” (“military alarm” of 1927 and its consequences)]. *Otechestvennaya istoriya*. 3. pp. 155–161.
- Sokhatskiy, Yu. (1932) *Pol'skiy fashizm – forpost interventsii* [Polish fascism as a outpost of intervention]. Moscow; Leningrad: Partiynoe izdatel'stvo.
- Varga, E. et al. (1932) *Sotsial-fashizm – organizator interventsii* [Social-fascism as an organiser of intervention]. Moscow: Partizdat.
- Stalin, I.V. (1949a) *Sochineniya* [Works]. Vol. 11. Moscow: OGIZ.
- Stalin, I.V. (1949b) *Sochineniya* [Works]. Vol. 12. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Stalin, I.V. (1951) *Sochineniya* [Works]. Vol. 13. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Comintern. (1929) *Stenograficheskiy otchet VI kongressa Kominterna* [Stenographic report of the Sixth Congress of Comintern]. Issue 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Comintern. (1931) *Stenograficheskiy otchet. XI plenum IKKI* [Stenographical report. The 11th Plenum of Comintern Executive Committee]. Issue 2. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.
- Dinze, V. et al. (2015) *Tank smerti: Sovetskaya oboronnaya fantastika 1928–1940* [Tank of Death: Soviet defense fiction, 1928–1940]. [s.l.]: Salamandra P.V.V.
- Tataru, A. (1932) *Bessarabiya pod pyatoy rumynskikh okupantov* [Bessarabia under the heel of Romanian occupants]. Moscow: Partizdat.
- Timov, S.S. (1931) *Ekonomika Vostochnoy Evropy. Agrarizatsiya ili industrializatsiya?* [Economics of Eastern Europe. Agrarisation or industrialisation?]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.
- Shwartz, I.G. (1932) *Koloniya pol'skogo fashizma* [A Colony of Polish Fascism]. Moscow: TsK MOPR.
- Shpanov, N.N. (1939) *Pervyy udar. Povesti i rasskazy* [First Strike. Short tales]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
- Erenburg, I. (1923) *Trest D.E. (Istoriya gibeli Evropy)* [D.E. Trust. (History of Europe Destruction)]. Kharkov: Gos. izd-vo Ukrainy.

Yavlenskiy, E. (1934) *Zhizn' i bor'ba rabochikh Pol'shi* [Life and struggle of Polish workers]. Moscow: Profizdat.

Yasenskiy, B. (1957) *Izbrannye proizvedeniya: V 2 t.* [Selected Works. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

Бугров Константин Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Россия).

Bugrov Konstantin – Ural Federal University, Institute of History and Archaeology of Ural Branch of RAS (Russia).

E-mail: k.d.bugrov@gmail.com